

УДК: 821.512.145
EDN XFCPTD<https://vestnikniign.ru>*Научная статья*

ТВОРЧЕСТВО Ч. АЙТМАТОВА И ТЮРКОЯЗЫЧНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ: ПРЕОДОЛЕНИЕ СОЦРЕАЛИСТИЧЕСКОГО КАНОНА

Д. Ф. ЗагидуллинаИнститут языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан,
г. Казань, Россия
zagik63@mail.ru*Аннотация*

Введение. Предметом исследования данной статьи являются изменения, произошедшие в тюркоязычных литературах в 1960–1980 гг. в связи с влиянием соцреалистического канона, а также возрожденческие тенденции в национальных литературах СССР во второй половине XX в.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили произведения Ч. Айтматова и татарских писателей 1960—1980-х гг., в которых проявился отход от принципов соцреализма. Сочетание контекстного и герменевтического методов позволило определить основные художественные приемы в тюркоязычных литературах авангардного типа.

Результаты исследования и их обсуждение. На материале сравнительного анализа произведений Ч. Айтматова, А. Еники, А. Якубова, А. Баянова установлено, что тюркоязычная литература данного периода характеризуется такими чертами, как возвращение к национальным художественным традициям, углубление личностного начала и психологизма, интеллектуальности и философичности. Литература отражает размышления о духовном состоянии общества, затрагивает «запретные» темы и утверждает тесную взаимосвязь человека с миром, родной землей, в то же время указывает на отчуждение от своей сущности.

Заключение. В тюркоязычных литературах 1960—1980-х гг., стремящихся к созданию новых художественных форм, ключевыми стали следующие приемы: во-первых, четкое разделение персонажей по полюсам добра и зла (духовного и материального); во-вторых, расширение смыслового диапазона традиционных образов от единичного к всеобщему, к архетипическим началам; в-третьих, неразрывная взаимосвязь этнических и общечеловеческих ценностей; в-четвертых, использование приемов «потока сознания» (в том числе и «потока сознания зверя» в сочетании с древнетюркскими мифами и легендами), внутренних монологов и детальное изображение душевных качеств и переживаний персонажей.

Ключевые слова: тюркоязычные литературы, Ч. Айтматов, А. Еники, преодоление соцреалистического канона, углубление личностного начала

Для цитирования: Загидуллина Д. Ф. Творчество Ч. Айтматова и тюркоязычные литературы: преодоление соцреалистического канона // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2025. Т. 17, № 1. С. 186—198. EDN XFCPTD

Original article

THE WORK OF CHINGIZ AITMATOV AND TURKIC-LANGUAGE LITERATURES: OVERCOMING THE SOCIALIST REALISM CANON

D. F. Zagidullina

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy
of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Kazan, Russia
zagik63@mail.ru

Abstract

Introduction. The subject of this article is the changes that occurred in Turkic-language literatures in the 1960s and 1980s due to the influence of the Socialist Realism canon, as well as the Renaissance trends in the national literatures of the USSR in the second half of the XX century.

Materials and methods. The material for the study was the works of Ch. Aitmatov and Tatar writers of the 1960 — 1980s, which showed a departure from the principles of socialist realism. The combination of contextual and hermeneutic methods made it possible to identify the main artistic techniques in the Turkic-language literatures of the avant-garde type.

Results and discussion. Based on the comparative analysis of the works of Ch. Aitmatov, A. Eniki, A. Yakubov, A. Bayanov, it is established that the Turkic-language literature of this period is characterized by such features as a return to national artistic traditions, deepening of personality and psychology, intellectuality and philosophy. Literature reveals reflections on the spiritual state of society, touches on “forbidden” topics and asserts the close relationship of man with the world, his native land, at the same time indicates alienation from his essence.

Conclusion. In the Turkic-language literatures of the 1960 and 1980s, striving to create new artistic forms, the following techniques became key: first, a clear separation of characters along the poles of good and evil (spiritual and material); secondly, the expansion of the semantic range of traditional images from the singular to the universal, to archetypal principles; thirdly, the inextricable interrelation of ethnic and universal values; Fourth, the use of “stream of consciousness” techniques (including the “stream of consciousness of the beast” in combination with ancient Turkic myths and legends), internal monologues and a detailed depiction of the mental qualities and experiences of the characters.

Keywords: turkic-language literatures, Chingiz Aitmatov, A. Eniki, overcoming the socialist-realist canon, deepening the personal principle

For citation: Zagidullina DF. The work of Chingiz Aitmatov and Turkic-language literatures: overcoming the socialist realism canon. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2025;17(1):186—198. EDN XFCPTD

Введение

В истории советской литературы 1960 — 1980-е гг. характеризуются масштабной трансформацией художественного сознания, мощным творческим подъемом, обусловленным «хрущевской оттепелью». Важной составляющей этого процесса стал поиск новых художественных ориентиров, выходящих за рамки соцреалистического канона. Характер этого поиска в тюркоязычных литературах отличается от ситуации в русской литературе. В этом плане интересным является суждение Т. В. Казариной, которая смысл русского авангарда считает «в преодолении фунда-

ментального разрыва между материально-практической и знаковой областями действительности. Восстановление их единства понимается авангардистами всех поколений как слияние онтологической подлинности предметного мира, динамики языка и креативности творческого субъекта» [11, с. 6]. В национальных литературах этого не произошло: «новое», «революционное», применялось в отношении отдельно взятого героя, нетипичного человека, реже — внутри мотива, но не стало «пафосом противостояния советской идеологии» [11, с. 6]. Вместе с тем в большинстве тюркоязычных литератур данного периода практически нет и пафоса соцреализма с «агрессивной героикой» [18, с. 31]. Направления, названные «деревенской», «лейтенантской», «лагерной» прозой и сыгравшие непосредственную роль в формировании русского авангарда, если и возникали в литературах народов СССР под сильным влиянием русской литературы, то оказывались несколько в ином поэтическом измерении. Например, в татарской прозе 1960 — 1980-х гг. практически нет произведений, соответствующих характеристикам «лейтенантской», «лагерной» прозы: они появились на рубеже 1980 — 1990-х гг. или были опубликованы в постперестроечное время, оставаясь долгое время недоступными читателю. Например, «Кырык дүртнең май аенда» — «В мае сорок четвертого» (1965) Н. Фаттах и «Колыма хикәяләре» — «Колымские рассказы» (1954) И. Салахова вышли в свет в 1990-е гг. Соответственно они не повлияли на литературный процесс. Отдельные мотивы, связанные с раскулачиванием и коллективизацией, культом личности и др., вкраплялись в биографические и автобиографические произведения («Малай чак» — «Мальчишество» (1979) И. Гази; «Жиләкле аланнар» — «Ягодные поляны» (1971) Р. Тухфатуллина; «Без бәләкәй чакларда» — «Когда мы были маленькими» (1979) и «Минем тәрәзәләрем» — «Моих окон жизнь» (1965) Ф. Хусни; «Яшенле яңгыр» — «Грозовой дождь» (1968) Г. Минского; «Агымсуларга карап» — «Глядя на текучие воды» (1973) Ш. Маннура и др.), но они не типизировались, оставаясь примером биографии отдельно взятого человека. Вместе с тем в этих произведениях затрагивались национальные, социальные, философские проблемы, жанр автобиографической повести послужил усилению лиризма и углублению психологизма в татарской прозе.

Несколько по-иному проявлялось влияние русской «деревенской» прозы, поскольку в татарской литературе деревенская тема оставалась одной из главных. В прозе выявление и осмысление глубинных основ народной жизни позволяли воссоздать героев — хранителей векового опыта поколений, исполнителей нравственных заветов народа («Авылдашым Нәби» — «Односельчанин Наби» (1957), «Йолдызым» — «Моя звезда» (1962) Р. Тухфатуллина; «Туган туфрак» — «Родная земля» (1959) А. Еники; «Туган ягым — яшел бишек» — «Родной край — колыбель моя» (1967) Г. Баширова). В целом тема раскрывалась в позитивном ключе, лишь в отдельных произведениях обнаруживалось критическое отношение к существующим порядкам. Наиболее близкие к «деревенской прозе» произведения появились позже («Этәч менгән читәнгә» — «Петух на плетне» (1980) А. Гилязова и др.).

Многие произведения на языках народов СССР, идущие вразрез с официальной коммунистической идеологией, оставались в личных архивах писателей до тех пор, пока не появлялись сходные произведения на русском языке. Так, публикация повестей «Лицом к лицу» (1957) Ч. Айтматова и «Жан көеге» — «Ничтожество» (1969)

татарского прозаика М. Амира, в которых затрагивается проблема дезертирства во время Великой Отечественной войны, стала возможной после выхода в свет повести В. Г. Распутина «Живи и помни» (1974).

Тем не менее в 1960-е гг. татарская проза постепенно начала преобразоваться. Изменения были обусловлены стремлением ряда писателей преодолеть характерное для соцреализма нивелирование национального в литературе. Активизировавшаяся бинарная оппозиция «материальное — духовное» стала связываться с вековыми этническими ценностями. Главная причина нравственного упадка в обществе стала усматриваться в утрате духовной связи человека со своими корнями. Указанный процесс постепенной трансформации был сопряжен с обращением писателей татарской и других тюркоязычных литератур к традициям прошлого, художественному опыту предыдущих поколений. Ярким воплощением данной тенденции стало творчество таких авторов, как Ч. Айтматов, А. Еники, А. Якубов, Г. Айги, Анар, Эльчин, И. Шихли: они воспринимались как проявление «соцреализма с человеческим лицом»¹. Ведущая роль в этом процессе принадлежит Чингизу Торекуловичу Айтматову (1928 — 2008), писателю-билингву, чьи произведения с конца 1950-х гг. стали открытием нового типа художественного мировидения.

Обзор литературы

В процессе исследования обозначенной проблемы нами проанализированы научные труды современных литературоведов, в которых раскрываются новые подходы к трактовке социалистического реализма. В сборнике статей «Соцреалистический канон» определены три базовых принципа: изображение главным героем человека труда; доминирование марксистско-ленинской идеологии; использование особой концепции времени по схеме: прошлое — пережитки; настоящее — эпоха испытаний и перемен; светлое будущее [18]. Вывод о том, что «следствием распространения соцреалистического канона стало очевидное понижение эстетического качества официальной советской литературы», сделан Н. Л. Лейдерманом и М. Н. Липовецким в учебном пособии для студентов вузов, где проанализированы механизмы преодоления канона, в том числе — литература «под маской соцреализма», «соцреализм с человеческим лицом», трансформация соцреалистических жанров и т. д.² В монографии М. М. Голубкова «Утраченные альтернативы» (1992) художественный процесс рассматривался как с точки зрения государственной политики в отношении к литературе, так и имманентных эстетических закономерностей художественного развития [8]. В ней впервые в литературоведении дано представление об альтернативных типах художественного мышления в советской литературе 1920 — 1930-х гг.

Изучению творчества Ч. Айтматова посвящены работы П. Е. Глинкина «Чингиз Айтматов» [7], М. Л. Селиверстова «Откровения любви» [17], К. А. Асаналиева «Открытие человека современности» [2], Е. К. Озмителя «Литература горного края» [15], Л. И. Лебедевой «Повести Чингиза Айтматова» [13], М. С. Азизова «Мастерство Чингиза Айтматова» [1], В. И. Воронова «Чингиз Айтматов» [3] и др. В них внима-

¹ Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950 — 1990-е годы: в 2 т. Т. 1: 1953 — 1968. М., 2003. С. 89 — 90.

² Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Указ. соч. С. 21.

ние акцентируется на использовании писателем метода реализма, глубокого психологизма ситуаций, характеров и поступков героев.

Исследование национального своеобразия картины мира в творчестве Ч. Айтматова осуществлено Г. Д. Гачевым в монографии «Любовь, человек, эпоха: рассуждение о повести „Джамиля“ Ч. Айтматова» [4]. Им была разработана методология, позволяющая увидеть в национальной литературе Космо-Психо-Логос. Вскоре эта концепция нашла отражение в докторской диссертации А. С. Садыкова «Национальное и интернациональное в кыргызской советской литературе» [16]. В монографии П. М. Мирза-Ахмедовой «Национальная эпическая традиция в творчестве Чингиза Айтматова» на материале анализа произведений писателя сделана попытка проследить механизм возникновения концепции «национальной художественности», который обнаруживается прежде всего во взаимосвязи реалистического творческого метода с эпической традицией [14]. В работе Л. Укубаевой «Художественное мастерство Чингиза Айтматова» доказывается, что «...национальная особенность творчества Чингиза Айтматова определяется не столько его связью с традициями устной народной поэтики <...>, сколько глубоким знанием жизни своего народа, знанием души, психологии и характера современного кыргыза» [20, с. 133].

В книге Г. Д. Гачева «Национальные образы мира: Евразия — космос кочевника, земледельца и горца» особенности национальной картины мира, проявляющиеся в творчестве Ч. Айтматова (представление пространства и времени как «самодвижения», «мышление о мире через коня», «сращенность патриархального с новым» в героях и пр.), связываются с коренными устоями мировоззрения тюрков-кочевников [5]. Вместе с тем ученый называет Ч. Айтматова писателем Евразии, вобравшим в себя культуру разных народов Востока и Запада.

Для нас представляют интерес научные статьи А. Ф. Кофмана «Художественный мир Чингиза Айтматова» [12] и В. И. Тюпы «Коммуникативная стратегия „вестничества“ в прозе Чингиза Айтматова» [19], в которых произведения писателя анализируются как образцы нового типа художественного мировидения, воссозданного писателем-билингвом.

Типологическая общность в творчестве Ч. Айтматова и А. Еники [9], Ч. Айтматова и А. Баянова [10] ранее рассматривалась нами. Вместе с тем проблема преодоления социалистического канона в творчестве Ч. Айтматова в сравнении с другими тюркоязычными литературами оставалась вне поля зрения литературоведов.

Материалы и методы

Материалами для исследования послужили произведения Ч. Айтматова и татарских писателей 1960 — 1980 гг.

В решении поставленных задач нами использованы контекстный и герменевтический методы, которые реализуются в подходе к анализу отдельного периода развития национальных литератур как целостной художественной системы.

Результаты исследования и их обсуждение

В творчестве Ч. Айтматова наиболее рельефно проявились процессы формирования новой художественной парадигмы, основывающейся на преодолении героико-романтического модуса, усилении критического начала, обращении к историческому прошлому, вниманию к нравственной проблематике. Эта тенденция

проявилась и в литературах других тюркоязычных народов. Практически во всех литературах начинают появляться произведения, посвященные историческим событиям, героями которых становятся сыновья своего народа. Примером может служить проза узбекского писателя Айбека (М. Ташмухамедов), татарина-фронтоника Г. Абсалямова, казахского прозаика М. Ауэзова, чувашского — М. Юхмы, азербайджанского — Эльчина (Эльчин Ильяс оглы Эфендиев) и др. Писатели в завуалированной, локальной форме затрагивали проблемы коллективизации, сталинских репрессий, судеб советских пленных. Безусловно, это было проявлением смелости творческой интеллигенции. В произведениях важным стало обращение к структуре народного эпоса. Так, в татарской литературе первым романом, воссоздавшим героя Великой Отечественной войны в образе эпического героя, стал «Мәңгелек кеше» («Вечный человек», 1960) Г. Абсалямова. Главный герой Баки Назимов, поднявший бунт в лагере Бухенвальд — коммунист и одновременно достойный сын Гатауллы-абзый из известного татарского рода аюлар (медведей). Данная тенденция указания этнической и родовой идентичности героя нашла отклик не только в прозе, но и поэзии.

Проявлением нового стало и углубление личностного начала. Размышляя о творчестве Ч. Айтматова, В. И. Тюпа обращает внимание на то, что все его ранние повести начинаются с местоимения «Я» в первой фразе в противовес «мы» в социалистическом каноне: «...уже в самом начале своего творческого пути шестидесятник Айтматов (подобно одному из своих героев Абуталипу Куттыбаеву) осуществлял „подрыв идеи главенства интересов государства над интересами личности“» [19]. Эта устремленность к обретению своего «я» приводит в творчестве разных тюркоязычных писателей к открытию ценности человеческой личности, интересу к индивидуальной психологии человека и поиску иных детерминант характера не столько социальных, сколько национально-исторических, ценностно-идеологических. Значимость личности в произведениях Ч. Айтматова, как и его современника татарского писателя А. Еники, вырисовывается на фоне огромных массивов бытия — национально-исторической жизни, природы и космоса. С этой аксиологической установкой писателей связано возвращение в тюркоязычные литературы глубокого психологизма.

Если в советской литературе традиционно объектом изображения выступает внешний мир, сложные отношения человека с социумом и борьба за изменение общества в целом, то уже в прозе военного времени А. Еники исследует психологию, характер человека, его поведение в непредвиденных ситуациях, выявляя универсальные ценности, свойственные человеку вообще. Писатель, последовательно наблюдая за изменениями, происходящими в мыслях и чувствах отдельного героя в кризисных ситуациях, нередко обращается к приему «потока сознания». Так, в рассказе «Кем жырлады» («Кто пел?», 1944), описывая последние минуты жизни раненого солдата, автор воссоздает столкновение жизни и смерти. Через переживания героя, случайно услышавшего татарскую песню, автор утверждает непреходящую ценность четырех категорий: родного дома, матери, родной земли и любви. Так авторская интенция устремляется от единичного, локального ко всеобщему: за частными историями у А. Еники всякий раз проступают философские обобщения, образы писателя часто восходят к архетипическим началам, а в аксиологической

иерархии, помимо общечеловеческих, значимыми оказываются ценности этнические. Тенденция к субъективизации повествования позволила шире реализовать художественный потенциал приемов психологизма в творчестве и других тюркоязычных писателей.

Ранние повести Ч. Айтматова, например, «Джамиля» (1957), «Тополек мой в красной косынке» (1961), «Первый учитель» (1963) уже отличаются показом драматизма судьбы героя, оказавшегося в сложной ситуации, неоднозначностью решения проблем на уровне ментальности. В них жизнь изображается через призму человеческой психологии с позиций авторского идеала о вечных ценностях — добре и красоте, которые «привязаны» к конкретному хронотопу, психологии конкретного этнического сообщества. Они обнаруживаются в действиях простых людей и направлены на утверждение жизни по справедливости и совести. В творчестве Ч. Айтматова и других тюркоязычных прозаиков герои резко разделяются на положительных и отрицательных, что было присуще произведениям соцреализма. Однако повествование в них отличается от традиционной для соцреализма повествовательной модели. Распределение персонажей по полюсам добра и зла позволяет в повестях Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» (1966), А. Еники «Саз чэчэгэ» («Болотный цветок», 1955), «Рэшэ» («Марев», 1962), Эльчина «Сары гялин» («Светловолосая невестка») выстроить оппозицию духовного и материального. В первой авторы подчеркивают полную слиянность человека со своим миром, ощущение нерасторжимой связи с родной землей, землей предков; во второй — процесс отчуждения Человека от своей сущности. Выстраивая систему персонажей таким образом, писатели подчеркивают «некую праоснову, архетипическое начало того или иного представителя человечества» [12, с. 295]. Эти произведения могут прочитываться и как критика существующего строя из-за показа социальных проблем, разрыва между разными слоями советского общества, стремления представителей власти к личному обогащению и т. д. Однако в них нет «ключей» к такому прочтению. Изображенное в целом воспринимается как локальная история, как рассказ о жизни отдельно взятого персонажа.

Вместе с тем предупреждение об опасности отчуждения человека от себя, своего рода, от истории и природы получает в тюркоязычных литературах различные, в том числе и открытые формы выражения. А. Еники, поставивший проблемы разрыва духовных связей между поколениями, потери родного языка, национальных традиций, нравственных ценностей, любви к родной земле, красоты человеческих отношений в повести «Әйтелмәгән васыять» («Невысказанное завещание», 1965), связывает их с идеологией. В повести «Ак лиман» («Круг», 1973) азербайджанского прозаика Анара «поток сознания» Неймата Намазова и символическая картина красных кораблей в белом порту становятся ключом к прочтению приемов эопова языка, с помощью которого автор доносит до читателей мысль о застое в духовной жизни людей, о внутреннем недовольстве, которое присутствует в азербайджанском обществе. В романах узбекского писателя А. Якубова «Сокровища Улугбека» (1973), «Белые, белые лебеди» (1977), посвященных разным периодам в истории народов и страны, высоконравственные и совестливые герои борются с социальной несправедливостью, бездуховностью, негативными качествами в характерах людей. Хотя писатель рассматривает отрицательные социально-полити-

ческие явления 1920 — 1930-х и 1960 — 1970-х гг. как несопадающие с социалистическими принципами, тем не менее, его нравственно-сильные герои, в характере которых проявляются родовые, архетипические черты, придают историческим событиям общечеловеческое значение, а многочисленные монологи и диалоги указывают на авторскую позицию.

В одном из знаковых произведений А. Еники — повести «Вождан» («Совість», 1966 — 1968) центральной становится тема морали. События начала 1930-х г. изображаются сквозь призму частной истории героя повести Хабиба Юлдашева, выступающего одновременно в качестве повествователя. Автор показывает трагедию человека, сталкивающегося с основывающейся на страхе тоталитарной системой, однако причина усматривается в личной зависти и желании сделать карьеру. Интересна форма повествования: шаг за шагом прослеживаются мысли и переживания героя, который в течение двух дней пытается осознать произошедшее, но не находит возможности разрешения ситуации. В его монологах совесть представляется не только как общечеловеческая, но и как этническая категория. Повесть заканчивается монологом Юлдашева, обобщенно оценивающим трагедию прошлого: «Придет время, — думал я часто, — и человеку представится возможность стать чистым человеком, когда совесть и разум вернуться к своему естественному единству, когда исчезнет лицемерие, сокрытие истинной мысли, страх и лесть, когда человек начнет жить только ради правды и справедливости, как велит ему его совесть. Да, искренне, такие мысли у меня появлялись, друг Бакер! Кажется, нет смысла жить без таких мыслей, такой надежды...»³. Таким образом, в 1960-е гг. герой живет ожиданием перемен, о чем открыто говорит своему другу Бакиру. Жить по совести, в согласии с собой воспринимается идеалом советского писателя — татарина, который пытается дать общественно-политическую оценку недалекому прошлому.

В одноименном с предыдущим романе узбекского прозаика А. Якубова также затрагиваются многие запретные темы. Его герой профессор Нормурад Шамурадов, который в 1930 г. участвовал в раскулачивании односельчан, однажды вступает в полемику с «раскулаченным» Кудратходжой, вернувшимся после XX съезда КПСС в родные места. В идеологических и нравственных полемиках Н. Шамурадов отстаивает свою правоту и верность содеянному в 1930-е гг. Яркие диалоги между Н. Шамурадовым и его оппонентами, племянником Атакузы и Вахидом Мирабидовым, острый, резкий, порой переходящий в рукоприкладство диалог с соперником в жизни и любви Кудратходжой, раскрывают позицию и взгляды людей на происходившие когда-то события, оказавшихся по разные стороны «идеологических баррикад». Автор прослеживает переживания героев, пытаясь понять их мотивы и стремления. Подчеркнем, что в тюркоязычных литературах, особенно в поэзии, категория совести становится главной в ряду человеческих характеристик начиная с конца 1960-х гг.

Уже в первых повестях Ч. Айтматова изображение прошлого киргизского народа осуществляется с использованием фольклорных мотивов, архетипических образов. Так, наличие в повести «Прощай, Гульсары!» древнего киргизского плача,

³ Еники Ә. Вождан // Ә. Еники. Әсәрләр: 5 томда. 3 т.: Повестьлар. Казан, 2002. С. 151 — 152.

легенды об охотнике Коджошаше, в «Белом пароходе» — предания о Рогатой матери-оленихе и ряда тюркских легенд и сказок — не только указывает на стремление писателя раскрывать в своих произведениях этнокультуру, сложенную кыргызским народом на протяжении веков, но и превращает произведения в текст, в котором национальное переплетается с общечеловеческим. Эта тенденция проявляется также в узбекской, туркменской и других литературах. Мифологические мотивы способствуют утверждению ценности исторической памяти. Опасность потери исторической памяти, равноценной потере человеческого в человеке, указывается в романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день» (1980). Здесь писатель связывает проблему сохранения своего «я» с необходимостью сбережения связи с традициями, историческими корнями, со своим родом, этносом и человечеством. Легенды, исторические символы, этнические образы и знаки позволяют прозаику явственно показать красоту и богатство народной культуры, разумность и благородство веками сложившихся взаимоотношений с природой, людьми и народами. Появляется непохожая на привычное в художественной литературе картина мира. В теории авангарда этот прием называют «иновидением», который позволяет «очистить зрение от всех наслоений культуры» [1, с. 207]. Благодаря этому «новому зрению» создаваемая Айтматовым картина мира, проникнутая мифами и легендами, звуками природы и наставлениями матери-земли, человеческих первоначал, начинает «работать» на формирование самосознания народа.

Ярким приемом, позволяющим понять природную сущность этнического сознания, становится параллелизм, когда движения человеческой души соотносятся с явлениями природы. Безусловно, все положительные герои Айтматова — «соприродны» [12, с. 302]: они испытывают огромную любовь ко всему живому («Джамиля»); способны ощущать колебания морей и Неба («Белый пароход») и вести разговор с землей («Материнское поле»). Интегрированность человека в природное всеединство выступает одной из отличительных особенностей тюркоязычных литератур 1970 — 1980-х гг. Взамен авангардного «комплекса Икара» или «мифокомплекса авиатора» [6, с. 221] приходит «комплекс кентавра», о чем писал Г. Д. Гачев. Ч. Айтматов находит путь сопряжения этой интегрированности с поиском первооснов бытия: очеловечение образов животных, наделение их психологическими качествами, индивидуальной судьбой (иноходец Гульсара, мать-олениха, рыба-женщина, верблюд Каранар, волчица Акбара и волк Ташчайнар и др.) превращаются у писателя в особую форму психологизма — «поток сознания зверя» — которая эксплицирует мифологическое сознание и подсознание тюрка. В этом плане творчество Ч. Айтматова открывает новые возможности для развития многих литератур. Хотя отдельные примеры использования образов животных прослеживаются в татарской (А. Баянов), казахской (М. Ауэзов), азербайджанской (Эльчин) литературах, именно роман «Плаха» становится в этом плане толчком к масштабным преобразованиям. При этом смысловое наполнение было одинаково: в романе А. Баянова «Ут һәм су» («Огонь и вода», 1971) и у Ч. Айтматова образы волков изображаются в качестве хранителей традиций и образа жизни народа, носителей сознания рода, всего живого и жизни на Земле. Оба автора указывают на проблему разрушения связей между человеком и природой, а значит — самой жизни на Земле.

Здесь необходимо отметить, что волк — тотемное животное для тюрков. Истребление первопредка, по замыслу Ч. Айтматова и А. Баянова, — это убийство человеческого в человеке и предательство по отношению к роду.

«Поток сознания» зверя Ч. Айтматова в романе «Когда падают горы (Вечная невеста)» (2006) оборачивается еще одной гранью писательского мастерства: он показывает глубокие переживания, духовные трансформации оказавшихся на перепутье людей (страны, человечества), отмечая непреходящие ценности. Впервые представленный в повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» «поток сознания» такого же особенного для тюркских народов, как волк, животного — коня, находит продолжение в повестях узбекского прозаика Т. Мурада «Ночь, когда заржал конь», «Люди, живущие под луной» (1978) и татарского автора А. Баянова («Жэй белэн жэй арасы» («Между двумя летами», 1991)). Этот прием в едином комплексе с древнетюркскими мифами, легендами прочно возвращается в тюркоязычные литературы, позволяя воссоздать этническую историю и картину мира в композиционной модели «текста в тексте». В картине мира, обращенной к отдаленному прошлому, к первоначальным временам, важную роль играет и недалекое советское прошлое, которое также воспринимается в качестве важного средства межпоколенческой коммуникации и национальной самоидентификации. В творчестве Ч. Айтматова оно возникает в связи с попыткой воссоздать жизнь во всем ее многообразии: как историю человека, государства, народа и человечества. Обращаясь к структуре эпических сказаний тюркских народов, писатель синтезирует в единой картине мира жизнь отдельно взятого человека, «строительство социализма», состояние народного духа и будущего человечества. Писатель утверждает, что сам человек несет ответственность за все, что было, происходит сейчас и может случиться в будущем. Например, в романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день» перед внутренним взором главного героя Едигея, который везет хоронить своего друга, проходит вся жизнь на Буранном полустанке. Среди его воспоминаний — несправедливости сталинско-бериевского режима, поездка Едигея в Алма-Ату с целью рассказать правду об аресте Куттыбаева и реабилитация Абуталипа. Параллельно автор пересказывает две старинные легенды о событиях, произошедших в сарозекской степи. Так в романе Айтматова переплетаются прошлое, настоящее и будущее, а конкретно-исторические факты получают объяснение в аспекте вечной борьбы Добра и Зла, Справедливости и Лжи, звучит вера в то, что исторические катаклизмы, какими бы жестокими ни казались, не в силах «лишить человека его праосновы, его принадлежности к своим корням и своему пространству, которые пребывают во времени и вечности» [12, с. 295]. Чуть позже такая же композиционная модель будет использована татарским прозаиком А. Гилязовым в произведениях «Өч аршын жир» («Три аршина земли», 1963), «Жомга көн, кич белэн» («В пятницу вечером», 1979) и др.

Констатация ситуации неудовлетворенности человека жизнью, разочарования, духовного одиночества, мотивированной личными и социальными причинами, предстает в произведениях Ч. Айтматова как осознание истины поколением, беззаветно верившем в советскую идеологию (то же осознание прослеживается и в рассказах А. Еники: «Тенге тамчылар» («Ночные капельки», 1964), «Шаяру»

(«Игра», 1955), «Тынычлану» («Успокоение», 1978). Так, роман «Тавро Кассандры» (1994) Ч. Айтматова, как и вышеназванные рассказы А. Еники, предупреждает о губительных последствиях безрассудного отношения человека к своему жизненному пространству. Здесь прозаики констатируют: Добро и Зло заложены в самом человеке, в каждом из нас. Данная идея стала ведущей в тюркоязычных литературах рубежа XX — XXI вв.

Заключение

Процесс преодоления соцреализма в «период оттепели» в тюркоязычных литературах был ознаменован возвращением к национальным истокам. Тюркоязычные писатели создают модель мира, нацеленную на формирование самосознания своего народа, в которой совмещаются три круга бытия: социальное, национальное и общечеловеческое. В этом и заключается особенность механизма преодоления соцреализма, опирающегося на национальные мифопоэтические и нравственно-эстетические традиции. Поиски национальных художественных основ Ч. Айтматовым и другими тюркоязычными писателями обусловили критическое отношение к традициям социалистического реализма, поиск нового пути, основанного на синтезе национального, общенародного и общечеловеческого начал.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Азизов М. С. Мастерство Чингиза Айтматова: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1974. 194 с.
2. Асаналиев К. А. Открытие человека современности: Заметки о творчестве Ч. Айтматова. Фрунзе: «Кыргызстан», 1968. 150 с.
3. Воронов В. И. Чингиз Айтматов: Очерк творчества. М.: Сов. писатель, 1976. 231 с.
4. Гачев Г. Д. Любовь, человек, эпоха: рассуждение о повести «Джамиля» Ч. Айтматова. М.: Сов. писатель, 1965. 97 с.
5. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИ-ДИК, 1999. 368 с. EDN XBVDGX
6. Гирин Ю. Картина мира эпохи авангарда. Авангард как системная целостность. М.: ИМЛИ РАН, 2013. 400 с. EDN VLWGVV
7. Глинкин П. Е. Чингиз Айтматов. Л.: Просвещение, 1968. 111 с.
8. Голубков М. М. Утраченные альтернативы: Формирование монистической концепции советской литературы, 20 — 30-е гг. М.: Наследие, 1992. 199 с.
9. Загидуллина Д. Ф. Авангардные явления в тюркоязычных литературах СССР в середине XX века: Амирхан Еники и Чингиз Айтматов // Возрождение национальных литератур во второй половине XX века и Чингиз Айтматов: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (12 дек. 2018 г., г. Казань). Казань: ИЯЛИ, 2018. С. 6 — 15. EDN ESTHLY
10. Загидуллина Д. Ф. «Поток сознания зверя» в творчестве Ч. Айтматова и А. Баянова: диалог с этнической художественной традицией // Казанский лингвистический журнал. 2021. Т. 4, № 1. С. 25 — 37. DOI: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2021.4.1.25-37>, EDN MSKKUD
11. Казарина Т. В. Три эпохи русского литературного авангарда (эволюция эстетических принципов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2005. 37 с.
12. Кофман А. Ф. Художественный мир Чингиза Айтматова // Studia Litterarum. 2019. Т. 4. № 2. С. 292 — 311. DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-2-292-311>, EDN LHYHIR
13. Лебедева Л. И. Повести Чингиза Айтматова. М.: Худож. лит., 1972. 78 с.
14. Мирза-Ахмедова П. М. Национальная эпическая традиция в творчестве Чингиза Айтматова. Ташкент: Фан, 1980. 92 с.

15. Озмитель Е. К. Литература горного края: сб. ст. Фрунзе: Кыргызстан, 1971. 136 с.
16. Садыков А. С. Национальное и интернациональное в киргизской советской литературе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Фрунзе, 1972. 102 с.
17. Селиверстов М. Л. Откровения любви. Заметки о творчестве Чингиза Айтматова. Фрунзе: Кыргызстан, 1966. 148 с.
18. Соцреалистический канон: сб. ст. СПб.: Академический проект, 2000. 1040 с.
19. Тюпа В. И. Коммуникативная стратегия «вестничества» в прозе Чингиза Айтматова // Новый филологический вестник. 2009. № 3 (10). С. 76 — 79. EDN MTATBN
20. Укубаева Лайли. Художественное мастерство Чингиза Айтматова. Бишкек: Турар, 2019. 252 с.

Статья поступила в редакцию 13.06.2024; одобрена после рецензирования 23.09.2024; принята к публикации 30.09.2024.

Информация об авторе:

Дания Фатиховна Загидуллина, главный научный сотрудник отдела литературоведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (420111, Россия, г. Казань, ул. К. Маркса, 12/4), доктор филологических наук, профессор, zagik63@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Azizov MS. The skill of Chingiz Aitmatov. Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Makhachkala;1974. (In Russ.)
2. Asanaliyev KA. The discovery of a modern man: Notes on the work of Ch. Aitmatov. Frunze;1968. (In Russ.)
3. Voronov VI. Chingiz Aitmatov: An essay on creativity. Moscow;1976. (In Russ.)
4. Gachev GD. Love, Man, Epoch: a discussion about the story “Jamil” by Ch. Aitmatova. Moscow;1965. (In Russ.)
5. Gachev GD. National Images of the World. Eurasia — the Space of the Nomad, the Farmer and the Mountaineer. Moscow;1999. EDN XBXdGX (In Russ.)
6. Girin YuN. The Epoch of Avant-Gard. The Image of World. Moscow;2013. EDN VLWGIV (In Russ.)
7. Glinkin PE. Chingiz Aitmatov. Leningrad;1968. (In Russ.)
8. Golubkov MM. Lost alternatives: The formation of the monistic concept of Soviet literature, the 20 — 30s. Moscow;1992. (In Russ.)
9. Zagidullina DF. Avant-garde phenomena in Turkic-language literatures of SSSR in the mid-twentieth century: Amirhan Eniki and Chyngyz Aitmatov. *Renaissance of national literature in the 2nd half of the XX century and Chyngyz Aitmatov*. Proceedings of the Conference. Kazan;2018:6—15. EDN ESTHLY (In Russ.)
10. Zagidullina DF. “The beast’s stream of consciousness” of Chingiz Aitmatov and Akhsan Bayanov: dialogue with the ethnic artistic tradition. *Kazan Linguistic Journal*. 2021;4(1):25—37. DOI: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2021.4.1.25-37>, EDN MSKKUD (In Russ.)
11. Kazarina TV. Three epochs of the Russian literary avant-garde (the evolution of aesthetic principles). Abstract dis. ... Dr. of Philol. Sci. Samara;2005. (In Russ.)

12. Kofman AF. Chingiz Aytmatov's Fictional World. *Studia Litterarum*. 2019;4(2):292—311. DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-2-292-311>, EDN LHYHIR (In Russ.)
13. Lebedeva LI. The stories of Chingiz Aitmatov. Moscow;1972. (In Russ.)
14. Mirza-Akhmedova PM. The national epic tradition in the work of Chingiz Aitmatov. Tashkent;1980. (In Russ.)
15. Ozmitel EK. Literature of the mountainous region. Proceedings. Frunze;1971. (In Russ.)
16. Sadykov AS. National and international in Kyrgyz Soviet literature. Abstract dis. ... Dr. of Philol. Sci. Frunze;1972. (In Russ.)
17. Seliverstov ML. Revelations of love. Notes on the work of Chingiz Aitmatov. Frunze;1966. (In Russ.)
18. The Socialist Realist Canon. St. Petersburg;2000. (In Russ.)
19. Tyupa VI. Communicative Strategy of “Prophecy” in Chingiz Aitmatov's Prose. *New Philological Bulletin*. 2009;(3):76—79. EDN MTATBN (In Russ.)
20. Ukubaeva Laili. The artistic skill of Chingiz Aitmatov. Bishkek;2019. (In Russ.)

The article was submitted 13.06.2024; approved after reviewing 23.09.2024; accepted for publication 30.09.2024.

Information about the authors:

Daniya F. Zagidullina, Chief Researcher of the Department of Literary Studies at the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (12/4 K. Marx Str., Kazan 420111, Russia), Doctor of Philological Sciences, Professor, zagik63@mail.ru

Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.